

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1900.

Временное состояние вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній *).

Въ историческомъ движеніи науки замѣчается иногда, вслѣдъ за періо-
домъ усиленной дѣятельности и энергическаго проведенія опредѣленныхъ
частей, наступленіе моментовъ нѣкотораго раздумья, самопроверки, когда
является желаніе оглянуться на пройденный путь, подвести итоги всему
вланному и подсчитать результаты приложенія тѣхъ или другихъ мето-
въ и теорій.

Подобный моментъ, если не ошибаюсь, переживаетъ въ настоящее время
любая наука исторіи литературы, обязанная всецѣло своимъ развитіемъ
текающему столѣтію. Какъ одна изъ позднѣйшихъ отраслей историческаго
дѣнія, она сравнительно недавно опредѣлила свои задачи и стала выяс-
нить свои основные вопросы. Литература долгое время оставалась излюб-
ленною областію дилетантскихъ экскурсій для людей самыхъ разнообраз-
ныхъ специальностей. Новая эра въ ея изученіи настала лишь съ тѣхъ
поръ, какъ достаточно окрѣпло историческое направленіе критики, необхо-
димость котораго предугадывалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія свѣтлый
Гердера. Вырвавшись изъ тѣсныхъ оковъ догматической эстетики и
ея рамокъ философствующей критики, изученіе литературы начало всту-
ть на широкій и свободный путь историческаго изслѣдованія и вскорѣ
шло себѣ могучую поддержку въ примѣненіи сравнительнаго метода и
успѣхахъ романо-германской филологіи.

Вооруженная сравнительно-историческимъ методомъ и опираясь на фи-
люгію, историко-литературная наука стала перестраиваться на совершенно
новыхъ началахъ, бодро смотря въ будущее и увлекаясь заманчивою ши-
рою открывавшихся передъ нею горизонтовъ. Закинула дружная работа
собиранію и изданію уцѣлѣвшихъ остатковъ народной поэзіи и памят-
ковъ литературнаго прошлаго и по изученію, съ новыхъ точекъ зрѣнія,
измѣримо-богатаго матеріала европейскаго литературнаго развитія. Около

*) Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 15 сентября
19 года.

полустолѣтія пошло на этотъ гигантскій трудъ, далеко еще не законченный, но уже давшій отчасти плодотворные результаты.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на продолжительный періодъ напряженной работы на историко-литературной нивѣ, исторія литературы не завоевала еще себѣ бесспорныхъ правъ гражданства, не выработалась еще въ строгую и вполне самостоятельную науку. Находясь ранѣе въ подчиненномъ положеніи у эстетики или у философіи, она и впоследствии нерѣдко была принуждена довольствоваться скромною второстепенною ролью и, забывая собственныя задачи, служить интересамъ то общей исторіи, то филологіи, которыя преслѣдовали свои спеціальныя цѣли *).

Борьба за самостоятельность исторіи литературы, какъ науки, ведется уже не первый годъ, но никогда этотъ вопросъ не обсуждался такъ настойчиво, какъ за послѣднее время. Все болѣе плодятся попытки выяснитъ нѣсколько шаткое и колеблющееся понятіе «литературы», опредѣлитъ точенъ объемъ и содержаніе исторіи литературы, отграничить присущую ей область и задачи отъ области и задачъ смежныхъ дисциплинъ и указать наиболѣе вѣрные и плодотворные пути для ея ближайшаго развитія. Всѣ подобныя попытки встрѣчаются лицомъ къ лицу съ вопросомъ о методахъ изученія литературныхъ произведеній. Отсутствие вполне точно и достаточно широко установленныхъ приемовъ литературнаго изслѣдованія, которые служили бы всестороннему выясненію разбираемаго произведенія, было одною изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ успѣхи нашей науки.

Неудивительно поэтому, что въ настоящій моментъ самопроѣрки и подведенія итоговъ вопросъ о методахъ изученія литературныхъ произведеній составляетъ предметъ горячихъ и оживленныхъ споровъ въ западной наукѣ и критикѣ. Въ академическихъ рѣчахъ, на страницахъ спеціальныхъ журналовъ, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ ревностно обсуждаются существующіе приемы изслѣдованія, строятся оригинальныя теоріи, выдвигаются новыя критеріумы, предлагаются комбинаціи старыхъ и т. д.

Было бы бесполезно разобратся въ этой пестрой массѣ противорѣчивыхъ сужденій, взглядовъ, теорій и вывести какой-нибудь опредѣленный результатъ изъ борьбы различныхъ критическихъ системъ и столкновенія разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Присматриваясь къ существующимъ въ настоящее время на Западѣ методамъ изученія литературныхъ произведеній, мы можемъ замѣтить четыре главныхъ, основныхъ направленія, а именно: филологическое, историческое, психологическое и эстетическое. Каждое изъ нихъ заявляетъ болѣе или менѣе притязаніе на господство надъ всеми другими и дѣлаетъ критиковъ и историковъ литературы на враждебные лагеря. Ведется также борьба нерѣдко и въ предѣлахъ одного и того же направленія, вслѣдствіе несогласія

*) Дашкевичъ, *Киев. Ун. Изв.* 1877 г., окт., стр. 729—730. Колмачевскій, *Изм. М. Н. Пр.* 1884 г., май, стр. 8. Eugen Wolff, *Das wissenschaftliche Literaturstudium.* Kiel, 1890 г., стр. 21.

го сторонниковъ между собою. Дѣло затрудняется еще тѣмъ, что каждое изъ указанныхъ теченій часто комбинируется съ какимъ-нибудь другимъ, слѣдствие чего получаются новыя сложныя направленія—филолого-историческое, историко-психологическое, эстетико-психологическое и др.

Постараемся наметить бѣгло основныя черты четырехъ главныхъ направлений и указать каждому изъ нихъ подобающее мѣсто въ дѣлѣ изученія литературныхъ произведеній. Обратимся прежде всего къ направленію *филологическому*, ибо оно является,—по крайней мѣрѣ, въ Германіи,—господствующимъ положеніемъ.

Со временъ Лакманна и бр. Гриммъ, считающихся основателями германской филологіи, и Дипа, котораго признають отцомъ филологіи романской, объ эти новыя науки сдѣлали большіе успѣхи, завоевали себѣ прочное положеніе въ университетахъ Западной Европы, за исключеніемъ Англій, и оказали глубокое вліяніе на ходъ литературныхъ изученій. Сложившись по образу и подобию классической филологіи, романо-германская филологія унаслѣдовала отъ своей старшей сестры и методъ, и общіе взгляды на свой предметъ и его объемъ. Ограничивая первоначально свою задачу изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи и историческомъ развитіи германскихъ и романскихъ языковъ, эта нео-филологія, по примѣру классической, постепенно расширяла поле своего вѣдѣнія, раздвигала рамки и усложняла свое содержаніе, пока не дошла до чрезвычайно широкаго пониманія своихъ задачъ, почти совпавшихъ съ задачами исторіи культуры и такъ наз. «психологіи народовъ» (*Völkerversychologie*). Такимъ образомъ всѣ многообразныя проявленія духовной жизни и умственной дѣятельности германскихъ и романскихъ народностей стали подлежать, въ полномъ объемѣ, вѣдѣнію этой безграничной и, такъ сказать, сборной науки, представляющей изъ себя конгломератъ весьма различныхъ дисциплинъ, но продолжающей носить прежнее имя «филологіи», не особенно подходящее къ ея теперешнему содержанію. Однако, далеко не всѣ специалисты согласны съ такимъ широкимъ пониманіемъ задачъ филологіи, и нѣкоторые изъ нихъ настаиваютъ на ограниченіи ея области языкомъ и литературой. Наконецъ, и соединеніе изученій языка и изученій литературы въ одну науку встрѣчаетъ также противниковъ, въ числѣ которыхъ находится одинъ изъ видныхъ современныхъ филологовъ, проф. Шухардтъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что самый вопросъ о границахъ и задачахъ германо-романской филологіи является нѣсколько спорнымъ и недостаточно выясненнымъ, вслѣдствие чего и слово «филологія» понимается въ различныхъ смыслахъ.

Тѣмъ не менѣе приемы филологическаго (въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова) изученія точно выработаны современною наукою и сосредоточиваются около двухъ главныхъ задачъ: критики текста и интерпретаціи его. Литературный памятникъ, дошедшій до насъ нерѣдко испорченнымъ и искаженнымъ, филологическая критика беретъ въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ автора. Для этого необходима мозаически-мелкая, микроскопически-точная и сложная филологическая работа,

требующая глубокаго знанія исторіи языка, его разнообразнѣйшихъ діалектовъ со всѣми ихъ фонетическими и морфологическими особенностями,—да сверхъ того еще особаго критическаго такта, подсказывающаго исследователю выборъ того или другаго слова, той или другой формы изъ многочисленныхъ вариантовъ и различеній *).

Рядомъ съ критикой текста стоятъ филологическая интерпретація, открывающая путь къ совершенно точному и ясному пониманію литературнаго памятника, перебрасывающая, такъ сказать, мостъ между авторами и читателями разныхъ временъ, народностей и языковъ **). Она можетъ быть выполнена успѣшно только въ томъ случаѣ, если, сверхъ упомянутыхъ уже знаній, критикъ обладаетъ солидными свѣдѣніями по исторіи литературы, искусства, культуры,—однимъ словомъ, по всему тому, чѣмъ обставляется современная филологія своимъ толкованіемъ.

Такова задача филологическаго изученія, подготовляющаго почву для литературнаго изслѣдованія и стоящаго, такъ сказать, въ преддверіи работы послѣдняго рода ***). Несомнѣнно, что только критически проверенными и удовлетворяющими строгимъ филологическимъ требованіямъ изданія памятниковъ могутъ служить вполне надежнымъ базисомъ для дальнѣйшихъ изученій. Филологическое изученіе тѣмъ необходимѣе, чѣмъ древнѣе эпоха, къ которой относится разбираемое произведеніе. Только при помощи филолога удалось пролить истинный свѣтъ на средневѣковую литературу и сдѣлать возможной историческую оцѣнку такихъ памятниковъ, какъ англо-саксонская поэма «Beowulf», «Пѣснь о Роландѣ», «Пѣснь о Нибелунгахъ», «Роса del Cid» и др. Для литературныхъ произведеній новыхъ и новѣйшихъ временъ важность филологическаго изученія значительно меньше и область его примѣненія уже. «Кентерберійскіе рассказы» Чосера, съ одной стороны, и романы Диккенса — съ другой могутъ служить наглядной иллюстраціей выказаннаго положенія.

Въ настоящее время въ Германіи замѣчаются признаки реакціи противъ односторонностей филологическаго направленія, господствующаго въ нѣмецкихъ университетахъ. Группа молодыхъ ученыхъ ратуетъ за углубленіе и расширеніе изученія литературныхъ произведеній съ новыхъ точекъ зрѣнія. Но возставая противъ нѣкоторыхъ крайностей и увлеченій филологическаго направленія, они отнюдь не отрицаютъ его значенія и солидную филологическую подготовку считаютъ необходимой для всякаго историка литературы ****).

*) Ср. *A. Tobler*: „Methodik der philolog. Forschung“ („Grundriss der romanischen Philologie“, Hrg. von Gröber“, I, 251 сл.). *H. Paul*: „Methodenlehre“ (Grundriss der German. Philologie, I, 170 сл.). *Elze*: „Grundriss der englischen Philologie“, Halle, 1887. Ss. 35—94.

**) *H. Paul*: „Grundriss der germ. Philologie“, I, 171.

***) Ср. *Benedetto Croce*: „La critica letteraria. Questioni teoriche“. Roma, 1896, стр. 28—29, 41—42.

****) Ср. *Louis Betz*: „Wesen, Aufgabe u. Bedeutung der vergleichenden Litteratur“.

Историческое направление критики, исподволь подготовлявшееся съ онаца прошлаго вѣка и опредѣлившееся, почти одновременно во Франціи въ Германіи, въ трудахъ Вильмена и Гервинуса, разсматриваетъ каждое литературное произведеніе не иначе, какъ одно изъ звеньевъ длинной цѣпи историческаго и литературнаго развитія, находящееся въ причинныхъ отношеніяхъ къ предыдущимъ и послѣдующимъ звеньямъ. Недостаточно знать литературный памятникъ, какъ готовый продуктъ; необходимо изслѣдовать его происхожденіе и образованіе, его генезисъ. Поэтическое произведеніе представляетъ всегда болѣе или менѣе сложный комплексъ идей, чувствъ, впечатлѣній, настроеній и воззрѣній, пришедшихъ къ художнику съ разныхъ сторонъ, но сплавленныхъ въ горнилѣ его творческаго духа. Критика должна разложить произведеніе на его составныя части, на всѣ тѣ многообразныя элементы, изъ которыхъ оно сложилось въ душѣ автора. Элементы эти бываютъ или *чисто-литературнаго*, или *біографическаго*, или *культурнаго* характера. Вслѣдствіе этого изслѣдованіе можетъ идти въ трехъ соответствующихъ направленіяхъ.

Критикъ опредѣляетъ отношеніе даннаго произведенія къ такъ называемой *литературной традиціи*, иначе говоря—къ другимъ произведеніямъ, съ которыми оно находится въ генетической связи. Поэтъ получаетъ отъ традиціи поэтическій языкъ, стиль и стихотворный размѣръ закрѣпленные въ извѣстныя формы различной степени устойчивости. Измѣненія, совершенные имъ, даютъ мѣру его оригинальности въ этомъ отношеніи. Предполагаемая свобода творчества въ изобрѣтеніи сюжетовъ, положеній и мотивовъ подлежитъ значительному ограниченію. Еще Вальтеръ Скоттъ замѣчалъ, что сравнительное изученіе сюжетовъ «значительно умалило бы наши представленія о богатствѣ человѣческой изобрѣтательности». Не только сюжеты, мотивы, положенія, но и типы часто являются традиционными, переходящими по наслѣдству отъ одного автора къ другому, отъ одной литературной эпохи къ послѣдующимъ. Если есть странствующіе сюжеты, то есть и странствующіе типы, также служащіе предметомъ международнаго литературнаго обмена. Достаточно указать на традиціонныя комическіе типы, перешедшіе отъ Аристофана къ Плавту и Теренцію, затѣмъ къ Мольеру и другимъ. Каждая эпоха имѣетъ свои излюбленные типы, ставшіяся нерѣдко традиционными на долгіе годы. Наконецъ, и самыя приемы композиціи являются до извѣстной степени устойчивыми, традиционными; существуютъ опредѣленныя схемы, обязательныя для того или другаго рода зачастую неизмѣнно сохраняющіяся, какъ запоздалые отголоски отдаленныхъ эпохъ *). Такъ внимательство боговъ въ дѣла людей, отличающее

urgeschichte („Zeitschrift für franz. Sprache u. Litteratur. Hrag. von Koerting u. Schwanitz“. В. XVIII. Berlin, 1896, стр. 154—155).

*) А. Н. Веселовскій: „О методахъ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки“. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1870 г. Ten - Brink: „Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte“. Strassburg, 1891, стр. 21—24. Н. Paul: „Grundriss der german. Philologie“ I, 220 сл.

«Илиаду» и «Одиссею» и находящее свое естественное объяснение въ вѣрваніяхъ древнихъ грековъ, было принято за неизбѣжную черту всякой поэмы и вошло въ технику ложноклассической поэмы съ эпохи Возрожденія и почти до конца XVIII в. Въ технику романа можно прослѣдить традиціонные приемы композиціи, также какъ и въ технику драмы. Литературная традиція обыкновенно видоизмѣняется и обновляется подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ теченій, приспособляясь къ потребностямъ новой эпохи; въ другихъ случаяхъ наблюдается переживаніе старой литературной традиціи, продолжающей существовать вопреки новымъ культурнымъ запросамъ.

При изслѣдованіи литературной традиціи главную роль играетъ такъ называемая «теорія литературнаго заимствованія», обоснованная Дэнлопомъ и Либрехтомъ и формулированная Бенфеємъ въ введеніи къ нѣмецкому переводу «Панчатантры» (1859) *). Эта теорія оказала громадное вліяніе на содержаніе историко-литературныхъ изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій и вызвала массу работъ по изученію странствующихъ повѣстей и сказокъ. Однако она нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Мысль Бенфея о восточномъ происхожденіи большинства европейскихъ сюжетовъ (восточная теорія) значительно поколеблена новѣйшими изысканіями **). Съ другой стороны, англійская антропологическая школа выставила теорію *parallelism* сказаній и сюжетовъ, которая допускаетъ возможность самостоятельнаго и независимаго зарожденія сходныхъ сюжетовъ у различныхъ народовъ, объясняя это совпаденіе сходствомъ главныхъ свойствъ челоѣческаго духа и общихъ условій челоѣческой жизни на одинаковыхъ ступеняхъ культуры. Въ первомъ увлеченіи теоріей заимствованія, на счетъ послѣдняго иной разъ относили многое такое, что въ дѣйствительности представляло оригинальное творчество писателя, что вело къ не совсемъ справедливому умаленію значенія личной инициативы. Несомнѣнно, что эта теорія должна быть примѣняема съ большою осторожностью и осмотрительностью. Простого сходства въ остоѣ сюжета недостаточно, чтобы сдѣлать выводъ о наличности заимствованія; долженъ быть доказанъ путь этого заимствованія и устранены всѣ противорѣчащіе факты.

При осторожномъ пользованіи теорія литературнаго заимствованія пользуется существенными услугами литературнымъ изысканіямъ. До сихъ поръ она прилагалась преимущественно къ народной и средневѣковой литературѣ и вообще тамъ, гдѣ господствуетъ безличное творчество; но та же теорія съ нѣкотораго времени примѣняется съ успѣхомъ и по отношенію къ болѣе новымъ эпохамъ и къ творчеству личному. Изслѣдованіе Ландау въ источникахъ «Декамерона», многочисленныя изысканія источниковъ Шекспира и другихъ писателей могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ

*) *John Dunlop: „History of fiction“ etc. Edinburgh, 1814.* Нѣмецкій переводъ Ф. Либрехта: „*Geschichte der Prosadichtungen“ etc. Berlin, 1851.*

**) *Bédier: „Les fabliaux“.* Paris, 1893.

ромадной роли литературнаго заимствованія и въ области болѣе свободнаго личнаго творчества *)).

Если теорія литературнаго заимствованія и нуждается, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ поправкахъ, все же проводимый ею методъ сравнительный является гигантскимъ шагомъ впередъ въ изученіи литературы и находитъ себѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе. Въ послѣднее время возникъ вопросъ о сравнительной или интернаціональной исторіи литературы, задающей широкими задачами параллельнаго изученія европейскихъ литературъ въ ихъ культурномъ взаимодействіи, и есть уже интересныя попытки въ этомъ родѣ **).

Указанная выше поправка къ теоріи литературнаго заимствованія приводитъ насъ къ вопросу о *личномъ авторскомъ* элементѣ въ литературныхъ произведеніяхъ. Изученіе, имѣющее въ виду опредѣлить отношеніе литературнаго произведенія къ его автору, изслѣдовать нити, связывающія первое съ послѣднимъ, можно назвать *біографическимъ*.

Этотъ методъ обыкновенно связывается съ именемъ знаменитаго французскаго критика Сентъ-Бѣва, видѣвшаго свою задачу въ томъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о самой личности, которая создала литературный памятникъ. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о происхожденіи автора, его физической организаціи, средствахъ, условіяхъ развитія, привычкахъ, вкусахъ, знакомствахъ, подробностяхъ его обыденной жизни. Детальное біографическое изученіе было для него исходной точкой и необходимымъ условіемъ для объясненія произведеній какого-нибудь писателя; онъ даже отказывался говорить о сочиненіяхъ такихъ авторовъ, жизнь которыхъ ему была неизвѣстна. Очевидно, что біографическій методъ Сентъ-Бѣва приложимъ въ полномъ объемѣ только къ такимъ писателямъ, о жизни которыхъ имѣется достаточно свидѣтельствъ и, слѣдовательно, преимущественно къ современникамъ критика или дѣятелямъ ближайшаго прошлаго. Но и тутъ, по выраженію Брандеса, критику всегда представляется жестокая дилемма: истину можно знать только о живыхъ, а сказать истину возможно только объ умершихъ ***). Тѣмъ не менѣе важность біографическаго изученія не подлежитъ сомнѣнію. Литературной традиціей не исчерпываются обыкновенно источники автора: важное мѣсто занимаютъ его личныя впечатлѣнія, все пережитое и пережитое имъ и переносимое въ произведеніе въ видѣ, болѣе или менѣе преобразованномъ его творческой фантазіей. Только біографія Мильтона можетъ намъ объяснить тотъ мощный духъ протеста и гордаго разочарованія, которымъ проникнуты рѣчи Сатаны

*) Ср. А. Н. Пыпинъ: „Сравнительное изученіе литературы“. *Вѣст. Европы*, 1875 г., окт., стр. 643. *Marcus Landau*: „Die Quellen des Dekameron“. Zweite Auflage. Stuttgart, 1884.

**) *Joseph Texte*: „J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire“. Paris, 1895. *Virgile Rossel*: „Histoire des relations littéraires entre la France et l'Allemagne“. Paris, 1897.

***) „О литературной критикѣ“. *Вѣст. Евр.*, 1887 г., октябрь, стр. 753.

въ его «Потерянномъ раѣ», восходящемъ къ сюжету, старому какъ мѣръ. Такъ въ «Страданіяхъ молодого Вертера», при всей зависимости Гёте отъ Ричардсона и Руссо, на первомъ планѣ стоятъ элементы лично пережитого и пережитоваго *). Выдѣленіе личнаго элемента въ литературныхъ произведеніяхъ составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ скудости біографическаго матеріала, одну изъ труднѣйшихъ задачъ всякаго критика.

Изученіе личности автора вмѣстѣ съ ея отраженіемъ въ его творчествѣ переходитъ незамѣтно въ изученіе *культурно-историческихъ* условій народа и эпохи, къ которымъ онъ относится. Произведеніе, авторъ, среда представляютъ какъ бы три концентрическихъ круга, связанныхъ между собой органически. Литературное произведеніе есть часть духовнаго міра его автора, который, въ свою очередь, есть не что иное, какъ болѣе или менѣе полное отраженіе культурнаго содержанія эпохи. Никто такъ не настаивалъ на необходимости изученія литературныхъ произведеній съ культурно-исторической точки зрѣнія, какъ Тэнъ. Его теорія, утверждающая, что вслѣдствіе писатель есть только естественный продуктъ *расы, среды и историческаго момента*, вполне ими объясняемый, — встрѣтила много возраженій, нѣкоторыя основательныхъ и подчасъ преувеличенныхъ. Недавняя смерть знаменитаго автора «Исторіи англійской литературы» и «Философіи искусства» значительно оживила вопросъ о пригодности созданнаго имъ метода и вызвала массу новыхъ разборовъ и оцѣнокъ, одно уже число которыхъ свидѣтельствуетъ о важности затронутыхъ имъ вопросовъ. Въ оцѣнкѣ теоріи Тэна замѣчается нѣкоторая двойственность: одни склонны принять ее за неизмѣлимый законъ, который Тэнъ пытался установить, другіе — только за методъ, которымъ онъ хотѣлъ направить путь критика. У самого Тэна мы находимъ въ этомъ отношеніи колебаніе: въ «Критическихъ очеркахъ» онъ толкуетъ ее во второмъ смыслѣ метода, въ предисловіи въ «Исторіи англійской литературы» скорѣе въ первомъ смыслѣ закона **). Если посмотрѣть на ученіе Тэна, какъ на законъ, то оно обнаружитъ свою полную несостоятельность: для обоснованія подобнаго закона Тэнъ не располагалъ достаточнымъ количествомъ фактовъ, критически разработанныхъ и проверенныхъ. Его ученіе есть не что иное, какъ талантливая догадка, правдоподобное предположеніе, надъ проверкой котораго онъ самъ неустанно и ерѣдко блестяще работалъ и другихъ поощрялъ въ тому же. Если эта теорія и распатана отчасти въ наше время, то въ ученіи Тэна есть все же одна сторона въ высшей степени цѣнная: съ большимъ талантомъ и энтузіазмомъ указалъ онъ одно изъ тѣхъ направленій, по которому должна идти изученіе всякаго литературнаго произведенія, подчеркнул и отбѣдилъ важность культурно-историческаго анализа. Если значеніе этого послѣдняго

*) Ср. *E. Schmidt*: „Richardson, Rousseau und Goethe“. Jena, 1875.

***) Ср. *B. H. Герье*: „Методы Тэна въ литературн. и худож. критикѣ“. В. Евр., 1839 г., сентябрь, стр. 88—92.

казывалось и раньше его, то Тэнъ дасть одно изъ самыхъ плодотворныхъ возбужденій въ этомъ отношеніи. Исслѣдованіе тѣхъ нитей, которыми произведеніе, черезъ посредство автора, связывается съ національными особенностями и съ историческими и культурными условіями извѣстной эпохи, останется всегда одною изъ важнѣйшихъ сторонъ литературно-критическаго изученія.

Третье изъ указанныхъ основныхъ направленій критики—*психологическое* явилось дальнѣйшимъ и естественнымъ развитіемъ біографическаго и культурно-историческаго метода. Важность изученія литературныхъ произведеній съ психологической точки зрѣнія сознавалъ еще Сентъ-Бѣвъ, которому изученіе біографическое служило только средствомъ для перехода къ психологическому анализу. Онъ старался постигнуть душевное настроеніе, изъ котораго вышло извѣстное произведеніе, онъ нарисовалъ цѣлую галерею тонкихъ портретовъ, въ которыхъ, по его собственному выраженію, задавался задачей начертать «естественную исторію человѣческой души». Тэнъ пошелъ по слѣдамъ Сентъ-Бѣва и сталъ примѣнять психологическій анализъ не только къ отдѣльнымъ произведеніямъ и личностямъ, но и по отношенію къ цѣлымъ народностямъ и культурнымъ эпохамъ. И именно въ этомъ видѣть, не безъ основанія, главнѣйшую заслугу Тэна одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ—Барцелотти *). Тэновская постановка вопроса была смѣлымъ шагомъ впередъ, ставившимъ литературную критику на психологическую почву и совпадавшимъ въ извѣстной степени съ нѣмецкими представленіями объ идеальныхъ задачахъ «филологіи», понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова, какъ науки о проявленіяхъ духовной жизни народа **). Вникая въ психологію писателя, Тэнъ, всегда склонный къ преждевременной систематизаціи, старался установить теорію «господствующей способности» (*faculté maitresse*), объясняющей весь талантъ писателя изъ одного преобладающаго свойства его души. Но теорія эта не выдерживаетъ строгой критики, такъ какъ возвести къ одному источнику все разное образіе сложной психической жизни выдающагося писателя представляется едва ли возможнымъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ она можетъ найти себѣ примѣненіе.

*) *Nuova Antologia*, 1893. (1 Agosto, стр. 404—405).

***) Ср. А. Н. Пяткина: „Исторія русской литературы“. Сиб., 1898 г., т. I, стр. 6—7. Нельзя не замѣтить, что эти представленія нѣмецкой науки оставались верными до степени теоріи, которой противорѣчитъ практика. Нѣмецкая филологія, ставя своею конечною цѣлью психологію племенъ и народовъ въ теоріи, на практикѣ ограничивалась филологическими (въ узкомъ смыслѣ слова) и отчасти историческими изученіями. Вотъ почему такъ наз. *Völkerpsychologie*, почти сливающаяся въ своихъ цѣляхъ съ филологіей (въ широкомъ смыслѣ слова), тѣмъ не менѣе сохранила свою самостоятельность относительно послѣдней, и обѣ науки, встрѣчаясь на одномъ полѣ изслѣдованія, нерѣдко не узнаютъ другъ друга. Ср. *Vierkandt*: „Philologie und Völkerpsychologie“ въ „Archiv für Religionswissenschaft“. Hrsg. von Th. Achelis. I. Band Heft. Freiburg i. B. 1898. Стр. 97, сл..

Тѣмъ не менѣе Тѣмъ вмѣстѣ съ Сентъ-Бѣвомъ возбудили большой интересъ къ психологическому изученію литературы, которое пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ *). Датскій критикъ Брандесъ является изъ талантливымъ послѣдователемъ за предѣлами Франціи. Въ самой Франціи можно указать на рано умершаго Геннекена, талантливаго автора интересной книги «О научной критикѣ» **).

Геннекенъ попытался обосновать новый критическій методъ, который онъ назвалъ «эстопсихологіей», т.-е. психологіей, основанной на изученіи эстетическихъ особенностей литературнаго произведенія и возбуждаемыхъ имъ эстетическихъ эмоцій. Каждое художественное произведеніе онъ предлагаетъ подвергать тройному анализу: эстетическому, психологическому и социологическому; за анализомъ долженъ слѣдовать синтезъ въ томъ же порядкѣ. *Эстетическій* анализъ, долженствующій быть основой всего слѣдованія, опредѣляетъ прежде всего тѣ эмоціи, которыя возбуждаются въ насъ разбираемымъ произведеніемъ, а затѣмъ выясняетъ тѣ художественныя средства, которыми достигается данное эстетическое волненіе. При этомъ Геннекенъ кладетъ въ основу положеніе, что эстетическія волненія, производимыя даннымъ сочиненіемъ въ разныхъ лицахъ, отличаются между собою только количественно, т.-е. степенью эмоциональнаго возбужденія, а не качественно, т.-е. свойствомъ, природою его. Но если бы это было такъ, то невозможно было бы объяснить одновременное существованіе разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу сужденій объ одномъ и томъ же авторѣ или произведеніи ***). Эстетическія волненія, — какъ замѣчалъ еще Кантъ, — субъективны, природа ихъ остается до сихъ поръ мало исследованною, поэтому и выводъ, основанный на нихъ, не можетъ претендовать на «научную» точность, которой добивается Геннекенъ.

Опредѣливъ всѣ эстетическія особенности разбираемаго произведенія, Геннекенъ переходитъ къ ихъ психологическому толкованію, основываясь на положеніи, что «нѣтъ такой эстетической особенности, которая не шла бы себѣ соотвѣтствующей психологической особенності» ****). Это онъ называетъ *психологическимъ* анализомъ, задача котораго заключается въ томъ, чтобы опредѣлить душевную организацію автора, основываясь исключительно на предшествующемъ эстетическомъ анализѣ. Поэтому Геннекенъ осуждаетъ біографическій методъ Сентъ-Бѣва и изученіе жизни писателя не считаетъ необходимымъ условіемъ для воссозданія его личности. По его мнѣнію, личность писателя отражается цѣликомъ, безъ остатка, въ его произведеніи, которое является такимъ образомъ точной и полной копіей его души. Но это положеніе можетъ быть принято, конечно, только съ извѣстными ограниченіями. На основаніи произведенія можно составить

*) Ср. Поль Бурже. Очерки современной психологіи. Спб., 1888.

***) „La critique scientifique“ (Esthopsychologie). Русскій переводъ Струмина.

****) Ср. Tissot: „Les évolutions de la critique française“. Paris, 1890, p. 229.

*****) „Опытъ построения научной критики“. Спб., 1892 г., стр. 47.

себѣ только приблизительное представление о душѣ автора, выяснитъ личность котораго представится возможнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, если мы привлечемъ на помощь біографическое изученіе. Представленія о личности поэта, основанныя исключительно на его произведеніяхъ, будутъ въ большинствѣ случаевъ довольно шатки и неопредѣленны и останутся всегда на степени болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Насколько субъективны подобныя выводы, достаточно доказывается шекипировской критикой, приходящей къ самымъ противорѣчивымъ сужденіямъ о личности гениальнаго драматурга, его идеалахъ, убѣжденіяхъ, симпатіяхъ и т. д. Только параллельное изученіе произведенія и жизни автора можетъ объяснить намъ тѣ черты, которыя связываютъ автора съ произведеніемъ, и раскрыть тайну его нравственной личности. Но, несомнѣнно, истопсихологическій методъ Геннекена вполне уместенъ тамъ, гдѣ біографическія свѣдѣнія отсутствуютъ; при его помощи возможно разъяснить нѣсколько личность автора. Выстъ же тѣмъ этотъ методъ можетъ оказать значительное содѣйствіе и біографическому изученію.

Вслѣдъ за эстетическимъ и психологическимъ анализомъ Геннекенъ ставитъ анализъ *соціологическій*. Такъ онъ называетъ изученіе особенностей душевнаго строя той группы людей, среди которыхъ разбираемое произведеніе пользовалось наибольшимъ успѣхомъ *). Исходною точкою Геннекена служитъ здѣсь суровая критика тѣновской теоріи *расы, среды и момента*. Отрицая вліяніе расы совершенно, онъ старается свести къ минимуму вліяніе среды и историческаго момента, утверждая, что согласно естественному ходу цивилизаціи, человѣкъ освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія окружающей среды, доходя до полнаго противорѣчія съ нею. Центръ тяжести, по его мнѣнію, лежитъ не въ средѣ, вліяніе которой ничтожно и неуловимо, а въ оригинальной личности поэта, который самъ овладеваетъ свою среду, иначе говоря, поклонниковъ, привлекаемыхъ къ нему сходствомъ душевной организаціи съ его собственною. Поэтому неравноенно важнѣе, по его мнѣнію, изученіе вліяній, исходящихъ отъ художника на среду, чѣмъ наоборотъ.

Возрѣнія Геннекена примыкаютъ въ значительной степени къ знаменитому «культу героевъ» Барлейля. Вліянію массы онъ противопоставляетъ вліяніе гениальной личности, которая является движущею силою въ жизни въ литературѣ, создаетъ направленія и все за собою увлекаетъ. Если Грандесъ упрекалъ, не безъ основанія, тѣновскую теорію въ томъ, что на годится только для объясненія писателей посредственныхъ, то у Геннекена быть въ глаза другая односторонность: его методъ приспособленъ исключительно для гениальныхъ писателей, насчитывающихся единицами.

*) Задача Геннекена существенно психологическаго характера. То, что онъ называетъ „соціологическимъ“ анализомъ, есть не что иное, какъ изученіе психологическаго вліянія „поклонниковъ“ знаменитаго писателя.

Онъ возвращается къ аристократическому принципу блаженной памяти исторической критики, удостоивавшей своимъ вниманіемъ только испоконковъ поэзи и не понимавшей необходимости изучать литературное разитіе въ полномъ его объемѣ. Несомнѣнно, что Геннекенъ идетъ слишкомъ далеко въ критикѣ тѣновской теоріи. Вліянія среды не избѣгаютъ и гениальнѣйшіе изъ писателей, будь это Дантъ, Сервантесъ, Гёте или Пушкинъ, а приведенные Геннекеномъ примѣры одновременнаго существованія въ одной и той же средѣ писателей, ничуть не похожихъ другъ на друга, ничего не доказываютъ, такъ какъ среда не бываетъ однородной. Въ одномъ и томъ же обществѣ, въ одной и той же средѣ существуютъ различныя группы, различныя теченія, находящіяся между собой нередко даже въ антагонизмѣ. Писатель обыкновенно—за исключеніемъ дарованій исключительныхъ, отражающихъ въ своемъ творчествѣ цѣлую эпоху въ ея полномъ объемѣ—примыкаетъ къ одной изъ подобныхъ группъ, является однимъ изъ теченій, выразителемъ котораго онъ выступаетъ *) Ричардсонъ и Фильдингъ—одновременное существованіе которыхъ кажется Геннекеноу несогласнымъ съ теоріей среды **)—оба типичные англичане XVIII в., но одинъ изъ нихъ—наслѣдникъ стариннаго англійскаго шутливизма, осложненнаго новыми сентиментальными вѣяніями, а другой—выразитель жизнерадостнаго настроенія «старой веселой Англій», никто вполнѣ не вымиравашаго, и присущей націи реалистической жизни. Бѣдный рисуетъ англійскую жизнь XVIII в. съ известной стороны, но вѣстѣ съ тѣмъ носитъ въ себѣ и нѣкоторыя общія черты эпохи.

Недостатокъ теоріи Тэна заключается въ томъ, что онъ обратилъ мало вниманія на новые элементы, вносимые отдѣльными личностями въ культурное содержаніе эпохи, что подмѣтилъ еще Сентъ-Бѣвъ въ рецензіи на «Исторію англійской литературы» ***). Геннекенъ погрѣшаетъ въ противоположномъ направленіи: онъ слишкомъ преувеличиваетъ оригинальное творчество писателя и идетъ слишкомъ далеко въ отрицаніи вліянія среды. Обѣ теоріи лишены своихъ крайностей, взаимно дополняютъ другъ друга: мы должны установить несомнѣнный фактъ взаимодѣйствія между средою и писателемъ. Находясь въ несомнѣнной зависимости отъ эпохи, воспринимаемая изъ среды важнѣйшіе элементы своей личности, своего міросозерцанія, писатель, по выраженію Ренана, принадлежитъ къ своему вѣку даже въ томъ случаѣ, если возстаетъ противъ него ****). Съ другой стороны, поэтъ пускаетъ въ обращеніе нѣчто новое, оригинальное, только ему свойствен-

*) Ср. Оболенскій: „Основы научной критики“. *Русская Мысль*, 1895 г., № 5 стр. 39.

**) I. в., стр. 69.

***) „Nouveaux lundis“, t. VIII.

****) Ср. Tizot: „Les évolutions de la critique française“. Paris, 1890, p. 338.
Л. Арсеньевъ: „Новый опытъ построения научной критики“. В. Е. 1898 года, № абръ, стр. 318.

не; и этот привносимый имъ элементъ можетъ оказаться, въ свою очередь, движущею силой, оказывающей мощное вліяніе.—Итакъ, изучая вліяніе среды, мы не должны упускать изъ виду и то, по выраженію Гоголя, «божественное пламя таланта», которое отличаетъ истиннаго художника и возбуждаетъ ему сердца.

Что касается до изученія психологіи «поклонниковъ» писателя, называемаго Геннекеномъ социологическимъ анализомъ, то оно встрѣчаетъ непреодолимые трудности. Определить этихъ поклонниковъ дѣло не легкое, такъ какъ различныя группы читателей могутъ увлекаться различными свойствами таланта писателя и его авторской личности. По числу читателей нельзя еще судить о числѣ поклонниковъ; соединеніе же всѣхъ читателей, увлекающихся различными сторонами таланта автора, въ одну психологическую группу, повторяющую будто бы главныя черты душевной организаціи этого писателя,—въ высшей степени произвольно и врядъ ли можетъ принести какія-нибудь цѣнные результаты.

Заслугу Геннекена можно видѣть въ томъ, что, отставшая оригинальность писателя, онъ поддержалъ интересъ къ психологическому изученію литературныхъ произведеній.

Его методъ нашелъ себѣ послѣдователей въ Германіи. Какъ ранѣе нѣмецкая филологія оказала вліяніе на французскую науку, такъ въ настоящее время французскій психологическій методъ начинаетъ распространяться въ Германіи. Первымъ его виднымъ и талантливымъ сторонникомъ выступилъ Ветцъ, авторъ надѣлавшаго шуму сочиненія *Шекспиръ съ точки зрѣнія сравнительной исторіи литературы* *). Борясь противъ односторонностей филологическаго направленія въ Германіи, Ветцъ требуетъ психологическаго изученія литературныхъ произведеній по комбинированному имъ методу Тена и Геннекена, идя, впрочемъ, болѣе за первымъ. Подобно автору «Научной критики», онъ рекомендуетъ извлекать всѣ наши представленія объ авторѣ и его міросозерцаніи изъ эстетико-психологическаго изученія его произведенія и ставить на задній планъ историческое изученіе. Нѣмецкая критика ставитъ Ветцу въ заслугу энергическое указаніе на значеніе теновскихъ методовъ, которые до сихъ поръ оказывали въ Германіи очень мало вліянія на ходъ историко-литературныхъ изученій **). Но противъ рекомендуемыхъ имъ приемовъ можно бы повторить тѣ же самыя возраженія, которыя мы уже сдѣлали Геннекену.

Изъ всѣхъ направленій въ изученіи литературныхъ произведеній эстетическое является едва ли не самымъ устойчивымъ и живучимъ. Несмотря на тяжелые удары, которые были нанесены ему филологической и истори-

*) Shakespeare vom Standpunkte der vergleichenden Litteraturgeschichte von W. Wetz. I Band. Worms. 1890, Einleitung. (Ueber Begriff u. Wesen der Vergleich. Litteraturgeschichte). *Его же*: „Ueber Litteraturgeschichte“. Vorms, 1891.

***) Ср. „Jahresberichte für neuere deutsche Litteraturgeschichte“. II Band Stuttgart. 1893.

ческой критикой, это направление, рассматривающее литературное произведение исключительно съ точки зрѣнія искусства, продолжаетъ существовать, слегка подчиняясь новымъ условіямъ и дѣлая уступки духу времени. Въ этому направленію относится и критикъ-импрессионистъ Жюль Леметръ, и критикъ доктринеръ и догматикъ Брюнетьеръ. Не говоря уже о Леметрѣ, критика Брюнетьера, воспитаннаго на французскихъ классикахъ XVII в., остается по существу своему эстетической, несмотря на его стремленіе выдѣлать ее за нѣчто новое, болѣе научное, осложнивъ ее теоріей эволюціи. Но эта извѣстная книга объ эволюціи литературы, какъ было справедливо замѣчено, напоминаетъ тѣхъ дантовскихъ грѣшниковъ, которые шествуютъ впередъ съ лицомъ, обращеннымъ назадъ *). Въ наше время едва ли нужно доказывать всѣ недостатки эстетической критики; но нельзя отрицать и того, что изучать литературныя произведенія съ художественной точки зрѣнія необходимо, въ особенности разъ мы согласились съ начинающимъ господствовать мѣнѣемъ, что исторія литературы прежде всего имѣетъ дѣло съ поэзіей, которая занимаетъ въ ней центральное и безусловно доминирующее положеніе **). Весь вопросъ въ методѣ и задачахъ подобнаго изученія.

Въ прежнее время, въ эпоху реакціи историческаго и филологическаго направленія противъ старинной эстетики, художественная сторона литературныхъ произведеній стала совершенно игнорироваться, и лишь немногіе, подобно Гетнеру, рѣшались возставать противъ такого положенія вещей. Послѣдній писалъ въ 1874 г. Эрнху Шмидту: «Какъ и прежде, я твердъ убѣжденъ, что съ одной филологіей далеко не уйдешь; въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній главное мѣсто, въ концѣ концовъ, должны занимать художественное чувство и вкусъ. Но, съ другой стороны, и я презираю такую эстетическую оцѣнку, которая лишена историческаго основанія» ***). Примѣненіе сравнительно-историческаго метода должно было открыть новую эру въ изученіи литературы и съ художественной точки зрѣнія. Современная наука уже не отрицаетъ необходимости подобнаго изученія. «Эстетическій моментъ,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ ея представителей Германъ Пауль,—долженъ быть подвергнутъ разсмотрѣнію съ исторической точки зрѣнія. Ближайшая задача историка заключается не въ томъ, чтобы дѣлать оцѣнку, имѣющую притязаніе на всеобщее значеніе, но въ томъ, чтобы прослѣдить въ писателѣ и въ публикѣ тѣ эстетическія побужденія, въ силу которыхъ литературное произведеніе возникло и оказало дѣйствіе» ****). Поэтому критику приходится имѣть дѣло съ эстетиче-

*) А. Н. Веселовскій: „Введеніе въ историческую поэтику“. Журн. Мин. Нар. Пр., 1894 г., май, стр. 22. Ср. Dros. La critique littéraire et la Science. Paris. 1893, 23—31.

**) А. Н. Веселовскій, l. c.—H. Paul: „Grundriss der germanischen Philologie“. I, 216.

***) А. Stern: „Herman Hettner“. Leipzig, 1885, s. 244.

****) H. Paul: „Grundriss der german. Philologie“. I, 228.

ними воззрѣніями автора, которыя необходимо выяснить; иначе многое въ его произведеніяхъ можетъ остаться непонятнымъ. Оцѣнить «Эмилію Глотти» Лессинга съ художественной точки зрѣнія возможно только при чтѣ его «Гамбургской Драматургіи», и только трактаты Дидро о драмѣ могутъ влечь къ его пьесамъ «Отецъ семейства» и «Побочный сынъ». Кроме того, нельзя миновать эстетическихъ потребностей массы, которыя обуславливаютъ успѣхъ или неуспѣхъ литературнаго произведенія. Современная строгая аука не отрицаетъ и художественной оцѣнки: «Лишь бы такая оцѣнка покоилась не исключительно на субъективномъ чувствѣ критика, но на широкомъ эмпирическомъ базисѣ и была бы также подведена подъ историческую точку зрѣнія» *). Тщательное изученіе литературныхъ произведеній съ художественной точки зрѣнія, при помощи сравнительно-историческаго метода, можетъ дать матеріалъ для новой теоріи поэзіи, опирающейся на точныя данныя. Прѣжняя метафизическая эстетика начинаетъ въ наше время смѣняться опытной, составляющей часть психологіи. Она не ставитъ требованій, не выдумываетъ масштабовъ, но тщательно наблюдаетъ подлежащія и вѣдѣнію факты, собираетъ ихъ, сравниваетъ, анализируетъ и старается найти ихъ первичное основаніе. Это наука, едва встающая на собственные ноги; изученіе художественнаго элемента въ литературныхъ произведеніяхъ можетъ оказать ей значительное содѣйствіе **).

Таковы четыре главныхъ направленія въ изученіи литературныхъ произведеній, принимаемыя въ настоящее время. Бѣглое разсмотрѣніе ихъ доказываетъ, что ни одна изъ выставленныхъ до сихъ поръ критическихъ теорій не отличается безупречностью, но что вѣсть съ тѣмъ каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ часть истины, такъ какъ выдвигаетъ на первый планъ ту или другую дѣйствительно важную сторону литературнаго памятника. Литературное произведеніе представляетъ явленіе въ высшей степени сложное, заключающее въ себѣ не только элементы психологическіе, эстетическіе, біографическіе, историческіе, но часто и философскіе, этическіе, оціальные и т. д. Ясно, что при изученіи такого сложнаго явленія, заставляющаго разнообразнѣйшія проявленія духовной жизни человѣка, мы прежде всего должны тщательно избѣгать односторонности, которая нигдѣ, можетъ быть, не приводитъ къ такимъ плачевнымъ результатамъ, какъ менно въ литературной критикѣ.

Недостаточность cadaго изъ указанныхъ направленій, взятаго въ отѣльность, доказывается уже тѣмъ, что критики часто не довольствуются однимъ-нибудь однимъ и прибѣгаютъ къ помощи другого. Такъ, Тэнъ и Грандесъ соединяютъ психологическій методъ съ культурно-историческимъ, Спенкертъ основываетъ свою психологическую критику на эстетическомъ

*) Н. Рау: „Grundriss der german. Philologie“. I, 229.

**) Проф. Смирновъ: „Эстетика какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ“. Казань, 1894 г., стр. 5, 22, 24. Л. Оболенскій: „Основы научной теоріи критики и искусства“. Русская Мысль, 1895 г., №№ 3 и 5.

разборъ, Брюнетьеръ эстетическую оцѣнку стремится соединить съ разсмотрѣніемъ условій исторически сложившейся литературной эволюціи, наконецъ, нѣмецкое филологическое направленіе вступаетъ на путь собственнаго литературныхъ изученій только въ томъ случаѣ, если оно принимаетъ, въ большей или меньшей степени, къ направленію историческому *). Изъ трехъ намѣченныхъ мною развѣтвленій историческаго направленія—ислѣдованій литературной традиціи, личности автора и культурной среды—филологи усердно культивируютъ первое, отчасти второе и значительно менѣе интересуются культурно-историческимъ изученіемъ. Всего чаще филологическое направленіе соединяется съ изслѣдованіемъ «литературной традиціи», что и ведетъ нерѣдко къ тому, что филологи (даже такіе выдающіеся, какъ Тен-Бринкъ, всего болѣе избѣжавшій узкости чистаго филологическаго направленія) склонны преувеличивать значеніе послѣдней. Біографическое и культурно-историческое изученіе соединяется чаще, что весьма естественно, и въ Германіи съ изученіемъ психологическимъ, примѣръ чего даетъ вѣстный историкъ литературы Эрихъ Шмидтъ, авторитетомъ котораго покрывается отчасти Ветцъ въ своей полемикѣ противъ крайностей нѣмецкаго филологическаго увлеченія **).

Такимъ образомъ многимъ уже стало тѣсно въ предѣлахъ одного направленія, и выходъ изъ этого положенія они ищутъ въ помощи другихъ методовъ. Съ каждымъ годомъ наиболѣе безпристрастные люди все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что дѣло всесторонняго изученія и выясненія литературныхъ произведеній можетъ подвигнуться только въ томъ случаѣ, если указанныя направленія критики, вмѣсто запальчивой полемики и взаимнаго отрицанія, придутъ къ мирному соглашенію на общей работѣ на одной и той же плодотворной и безконечно-обширной нивѣ ***). Прежде чѣмъ явится возможность придти относительно литературныхъ явленій къ какому-нибудь точнымъ выводамъ, имѣющимъ характеръ законовъ, литературныя произведенія должны изучаться съ различныхъ точекъ зрѣнія, главныя изъ которыхъ и вызвали существованіе четырехъ основныхъ направленій критики. Въ смыслѣ примиренія всѣхъ этихъ направленій задумано профес. Лейпцигскаго университета Эдгаромъ обширное сочиненіе «Основначала науки о литературѣ» («Prinzipien der Litteraturwissenschaft», I Band. Halle, 1897), представляющее первый опытъ философіи литературной исторіи. Питомецъ нѣмецкой филолого-исто-

*) Конце другихъ раздѣляетъ область филологическаго и историко-литературнаго изученія К. Weinhold: „Rede bei Antritt des Rectorats“. Berlin, 1893, стр. 8.

***) Ср. Wetz: „Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte“.

***) Ср. Hatsfeld et Meunier: „Les critiques littéraires“. Paris, 1894. Introduction, p. 22—24. А. Biese: „Die Aufgaben der Litteraturgeschichte“ („Neue Jahrbücher für das Klass. Alterthum“ etc., 1899, стр. 44). Arturo Graf: „Considerazioni intorno alla storia letteraria, a' suoi metodi e alle sue appartenenze“ („Rivista di filologia“, т. I, стр. 403, 432 и др.). Н.И. Сторожко („Энциклоп. Слов.“, XXXII, стр. 767).

ической школы, Эльстеръ, однако, особенно настаиваетъ на усиленіи психологическихъ и эстетическихъ изученій, сходясь въ этомъ съ Ветцемъ и Иннекеномъ, причѣмъ такого рода изученія онъ думаетъ, подобно Геннебу, поставить на почву данныхъ, добытыхъ современной психологіей и опытной эстетикой *). Эта попытка заслуживаетъ полнаго вниманія, но, въ сожалѣнію, не можетъ быть названа вполне удачною. Коренная ошибка Эльстера заключается въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ придти къ важнымъ научнымъ выводамъ, основываясь на изученіи исключительно нѣмецкихъ поэтовъ, тогда какъ принятая имъ на себя трудная задача требовала широкаго сравнительнаго изученія всего литературнаго развитія въ полнѣ его объѣмъ, не замыкая его въ узкіе предѣлы одной національности **).

Эльстеръ не стоитъ особнякомъ. Въ послѣдніе годы все болѣе умножаются попытки научно-эстетическихъ изученій по частнымъ вопросамъ, касающимся психологій творчества и природы художественныхъ эмоцій ***). Но всѣ подобныя попытки пока еще очень затруднительны вслѣдствіе того, что опытная эстетика, опирающаяся на психологію, находится еще, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи, а психологія далеко еще не можетъ гвѣтить на всѣ предъявляемые ей вопросы. Находясь въ зависимости отъ слѣховъ психологій и опытной эстетики, литературныя изученія могутъ въ звѣстной степени содѣйствовать развитію той и другой ****).

Понятно, что всѣ указанныя приемы изученія примѣнимы къ различнымъ литературнымъ произведеніямъ далеко не въ одинаковой степени. Отъ такта критика зависитъ выдвинуть на первый планъ тотъ или другой приемъ, ту или другую точку зрѣнія, въ зависимости отъ свойствъ подлежащаго изученію матеріала. Такъ, филологическое изученіе въ особенности умѣстно, какъ мы видѣли, въ томъ случаѣ, если произведеніе относится къ болѣе или менѣе отдаленной эпохѣ. Съ другой стороны, психологическій анализъ, важный и неизбѣжный для поэзіи новыхъ временъ, отличающихся крайне сложною психическою жизнью, менѣе необходимъ для наивной средневѣковой поэзіи съ ея элементарностью и незатѣйливостью душевныхъ движеній. Точно также и художественный анализъ наиболѣе примѣнимъ къ такимъ произведеніямъ искусства, которыя уже вышли изъ первобытной стадіи развитія. Изслѣдованіе отношенія памятника къ литературной традиціи имѣетъ большее значеніе въ примѣненіи къ народной и средневѣковой поэзіи, отличающихся сравнительною устойчивостью формъ и содержанія, и

*) *Elster*: „Prinzipien der Litteraturwissenschaft“, I, VI—VII.

**) Ср. рецензію *Biese* въ „Zeitschrift für deutsche Philologie“. 31 Band., Heft. 2, 1899.

***) Ср. *R. M. Werner*: „Poetik und ihre Geschichte“ („Jahresberichte für die neuere deutsche Litteraturgeschichte“. VI Band.). *Binet et Passy*. La psychologie des auteurs dramatiques, и мн. др.

****) *Троицкий*: „Современное ученіе о методахъ и задачахъ психологій“ („Учебникъ логики“, III, вып. 1). *Смирновъ*: „Эстетика“, I. с.

нѣсколько менѣе важно по отношенію къ новѣйшимъ временамъ, когда оригинальность творчества возрастаетъ. Возможность біографическаго изученія представляется далеко не всегда. Наконецъ, и культурно-историческое изученіе приложимо къ разнымъ произведеніямъ далеко не въ одинаковой мѣрѣ, что находится въ зависимости отъ степени отраженія эпохи и среды разбираемымъ сочиненіемъ.

Изучая литературное произведеніе съ различныхъ сторонъ, пуская въ ходъ различныя приемы, исправляя недочеты одного метода при помощи другихъ, взаимно провѣряя ихъ и сравнивая добытые результаты, мы будемъ наиболѣе гарантированы отъ заблужденій и ошибокъ въ конечныхъ выводахъ. При всѣхъ подобныхъ изученіяхъ мы, несомнѣнно, должны давать самое широкое примѣненіе тому методу, которымъ, по справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, молодая наука исторіи литературы должна дорожить, какъ своимъ лучшимъ завоеваніемъ, — методу сравнительно-историческому *).

М. Розановъ.

---

*) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Москва, 1898 г. Т. I, стр. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ГИБЕЛЬ БУМИРОВЪ. Повѣсть.—В. Я. Свѣтлова. <i>Окончаніе</i> .	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Глѣбовой	49
III. ПОДЪ ЛИПАМИ. Романъ Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм.— Н. К.	51
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. Жемчужникова	86
V. ОБОЛО ГОСПОДЬ. Повѣсть.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. <i>Окон-</i> <i>чаніе</i>	87
VI. НЕ ХОТѢЛЪ. (Случай).—Н. Анненковой-Бернардъ	111
VII. НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА (<i>съ facsimile</i>).	125
VIII. ИЗЪ ЖИЗНИ К. Д. КАВЕЛЛА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНИИ ВЪ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время).—Д. А. Корсакова.	1
IX. ПОВЫЯ СТРАДАНІЯ. (Романъ Жюльа Бюа).—Л. Г.	18
X. АЛЧУЩІЯ ДУШИ.—Ив. И. Иванова. <i>Продолженіе</i>	35
XI. ОПЫТЪ ОЗДОРОВЛЕНІЯ ДЕРЕВНИ.—П. Г. Ганзена. <i>Про-</i> <i>долженіе</i>	57
XII. ГОРНОЗАВОДСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.—В. И. Семеваго. <i>Продолженіе</i>	91
XIII. ПЕРЕСМОТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ.—А. В. Ероп- кина. <i>Продолженіе</i>	120
XIV. О ЗАДАЧАХЪ ПРАВЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ДУШЕВ- НО-БОЛЬНЫХЪ ВЪ ПСИХІАТРИЧЕСКИХЪ БОЛЬНИЦАХЪ.— С. С. Ступина	136
XV. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ АНГЛІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ ЕДУБОВЪ.—А. Я.	152

XVI. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О МЕТОДАХЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.—М. Н. Розанова.	165
XVII. БОЛѢЗНЬ ФР. ПИЦШЕ.—Е. Г.	183
XVIII. РАЗРОЗНЕННЫЯ СИЛЫ.—П. И. Обнинскаго. <i>Окончаніе</i> . . .	194
XIX. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Н. Ми- ровичъ	209
XX. БЕЛЛЕТРИСТЫ НОВѢЙШЕЙ ФОРМАЦИИ. М. Горькій: «Очерки и рассказы». Томъ III. Спб., 1899 г. Танъ: «Чу- котскіе рассказы». Спб., 1900 г. В. Версаевъ: «Очерки и рассказы». Спб., 1899 г.—М. А. Протополова. <i>Окончаніе</i> .	236
XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Проектъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Вопросъ объ экзаменахъ въ средней школѣ.—Введеніе института земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ.—Печальныя вѣсти изъ южныхъ уѣздовъ.—Дуганское дѣло о сопротивленіи властямъ.—Не- урядицы въ петербургскомъ городскомъ самоуправленіи.— Враждебное отношеніе къ гласности.—Пониженіе крѣпости казенной водки и мѣры борьбы съ алкоголизмомъ.—Въ чемъ нуждаются наши попечительства для успѣха своей дѣятель- ности?—Промышленный кредитъ.—Государственныя сберега- тельныя кассы.—Петербургскій расчетный отдѣлъ.	251
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	278
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.— Публицистика.—Философія.—Исторія, исторія литературы.— Географія.—Медицина.—Учебники, книги, для дѣтей.—Изда- нія для народа.—Словари, сборники.—II. Периодическія изда- нія: «Жизнь», январь.—«Русское Богатство», февраль.— «Міръ Божій», мартъ.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1900 г.	119
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1